

АЛЬЯНСЫ *AD HOC* КАК ДОМИНАНТА ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО ИНСТРУМЕНТАРИЯ ИТАЛИИ

МАРИЯ ШИБКОВА

МГИМО МИД России, Москва, Россия

Резюме

На протяжении всего послевоенного периода Италия, несмотря на экономические проблемы и политическую нестабильность, оставалась ключевым игроком ЕС, членом «группы двадцати» и «группы семи», что наделяло её статусом великой державы. Не имея глобальных амбиций, Италия выступала влиятельным субъектом международных отношений благодаря аккомодационизму как основному поведенческому паттерну, а также инструментальному использованию *ad hoc* альянсов — прагматического подхода, делающего политику страны гибкой и непредсказуемой. Слишком мала для того, чтобы представлять опасность, но при этом достаточно велика, чтобы бояться самой, Италия не вызывала раздражения потенциальных партнёров, что сделало её универсальным союзником как в Европейском Союзе, так и за его пределами. Сотрудничая с Грецией в борьбе за отмену мер жёсткой экономии, с Испанией и Францией по вопросу введения коронабондов, с Венгрией по миграционной проблеме, Италия повысила свою значимость в глазах Парижа, Берлина и Брюсселя, нуждающихся в ней для обеспечения безопасности и солидарности. Стратегическое партнёрство с США — константа внешней политики Италии — позволяет последней чувствовать себя уверенно на международной арене. Один из наиболее преданных союзников Вашингтона, Рим предпочитает двигаться в фарватере его политики, даже когда это противоречит позиции географически более близких партнёров по Евросоюзу. Высокая степень лояльности позволяет Италии сохранять «свободу манёвра» во внешнеполитических вопросах настолько, насколько это не ставит под угрозу прочность оси Рим—Вашингтон. Тем не менее национализм администрации США Джозефа Байдена заставил Италию применить *ad hoc* альянс уже против Вашингтона, выбрав во временные союзники Пекин, сотрудничество с которым активно развивается на фоне участия Италии в инициативе «Пояса и пути», а также гуманитарного сотрудничества в борьбе с пандемией.

Ключевые слова:

внешняя политика Италии; инструментарий внешней политики; коронавирус; коронакризис; российско-итальянские отношения; отношения ЕС—Италия; итальянско-американские отношения; итальянско-китайские отношения.

Настоящая публикация представляет собой русскоязычную версию исследования, подготовленного в рамках совместного проекта МГИМО и Школы международных отношений имени Сэма Нанна в Технологическом институте штата Джорджия (Sam Nunn School of International Affairs, Georgia Institute of Technology). Вариант статьи на английском языке опубликован в англоязычной части специального выпуска журнала. Вместе с тем русская и английская версии не являются идентичными, в том числе потому, что в русском языке отсутствует точный эквивалент ключевого понятия *statecraft* и авторы вынуждены использовать сразу несколько различных слов и выражений для передачи смысла этого понятия в разных контекстах («ресурсы», «инструменты», «способы», «формы» реализации внешней политики или поведения государства на международной арене). Подробнее о значении понятия *statecraft* см. вводную статью этого выпуска журнала.

Дата поступления рукописи в редакцию: 30.09.2020

Дата принятия к публикации: 29.03.2021

Для связи с автором / Corresponding author:

Email: m.shibkova@inno.mgimo.ru

Широко используемый в зарубежных трудах по политологии термин *statecraft* пока не имеет общепринятого эквивалента в русском языке. Одно из хрестоматийных определений дано профессором Университета Британской Колумбии Калеви Холсти: «организованная деятельность, предпринимаемая национальными правительствами для изменения внешней среды в целом либо действий других государств в частности с целью выполнения стоящих перед этими правительствами задач» [Holsti 1976: 293]. Отечественный исследователь М.А. Троицкий трактует *statecraft* как «набор поведенческих паттернов, используемых для достижения измеримых результатов» [Джордан и др. 2021; Jordan et al. 2021]. Самым удачным нам видится перевод «инструментарий внешней политики». При этом способы проведения внешней политики «должны демонстрировать чёткую причинно-следственную связь, а также быть постоянно повторяющимися» [Джордан и др. 2021; Jordan et al. 2021].

Анализируя внешнеполитический инструментарий государства, мы рассматриваем технологии и методы, применяемые во внешней политике с целью изменения поведения других игроков в соответствии с собственными интересами. Как правило, государства склонны к шаблонному поведению и руководствуются одними и теми же установками, формирующимися в зависимости от выбора между идеологией и прагматизмом; готовностью к поиску компромисса и демонстрацией силы; союзническими обязательствами и склонностью к проявлению гибкости и непостоянства в выборе коалиций. Соответственно, изучение внешней политики с точки зрения применения определённых инструментов и методов не ставит целью анализ намерений и конечных целей государства; значение имеют сами инструменты, их сочетание. Ключевой исследовательский вопрос отсюда состоит не в том, «чего государство добивается?», но «как государство добивается того, чего хочет?».

Российские исследователи основное внимание традиционно уделяли внешне-

политическому анализу, в развитие которого существенный вклад внесли А.Д. Богатуров, М.А. Хрусталёв, Т.А. Шаклеина, А.А. Байков, И.А. Истомин и многие другие [Современная 2009; Хрусталев 2011; Введение 2014; Истомин 2018; Истомин, Байков 2019]. На первый взгляд предметные поля внешнеполитического анализа и внешнеполитического инструментария совпадают, что затрудняет выделение последнего в отдельную отрасль знания. Существенная схожесть этих областей действительно имеет место, однако изучение инструментария внешней политики позволяет концептуализировать поведение государства на международной арене, проследить эволюцию его поведения на международной арене, а также сравнить его инструментарий с другими государствами, не затрагивая целей и интересов, в отличие от внешнеполитического анализа.

Отличается изучение внешнеполитического инструментария и от исследований внешнеполитической стратегии, поскольку последние подразумевают рассмотрение действий государства для достижения определённой априори известной цели. Другой смежной областью выступает анализ внешнеполитических ресурсов, однако его практическая применимость ограничена в силу того, что наличие у государств большого потенциала не подразумевает автоматическое его применение в полном объёме, тогда как государство с относительно низким внешнеполитическим потенциалом, напротив, может представлять угрозу для всего мирового сообщества. Иными словами, понятие «сильный» не всегда тождественно понятию «опасный», а «слабый» — понятию «безобидный». Изучение исключительно внешнеполитических ресурсов не позволяет сделать прогноз о реальном поведении государства, поскольку не существует прямой зависимости между количеством ресурсов и желанием их применять. Изучение шаблонных поведенческих паттернов имеет, следовательно, большую практическую значимость, поскольку их изменения, будучи при должной глубине анализа заметными,

будут сигнализировать об изменении в целях и намерениях и, соответственно, стратегии государства на международной арене, о которых в случае отсутствия наблюдений за внешнеполитическим инструментарием оставалось бы лишь догадываться.

1

С точки зрения инструментария внешней политики Италия представляет собой нетривиальный объект для анализа. Государство—член «группы семи», одна из стран-основательниц Европейского Союза, она выступает на международной арене в одном ряду с сильнейшими державами, несмотря на отсутствие ядерного оружия и глобальных амбиций, достаточно скромный военный бюджет¹ и неагрессивную внешнюю политику (в послевоенный период), структурные экономические проблемы, нестабильную внутривнутриполитическую конъюнктуру. Италия позиционирует себя «самой малой среди больших и самой большой среди малых». При этом участие в «группе семи» позволяет говорить о возможности наделения страны и великодержавным статусом. Очевидно, что подобный имидж сложился благодаря внешнеполитическому инструментарии, который, не имея ничего общего с методами жёсткой силы, считающимися неотъемлемой составляющей силы и влияния государства на международной арене, действует эффективно и устойчиво.

Говоря о восприятии итальянцами целей и инструментов внешней политики, нельзя не упомянуть о фашистском прошлом страны, от которого на протяжении всего послевоенного периода она стремилась отойти как можно дальше. После Второй мировой войны в Италии, как и в Германии и Японии, произошли большие изменения внешнеполитической стратегии: тяжёлое поражение, которое потерпела идеология страны, а также широко распространившееся в мире понимание того, что война не

стоила понесённых масштабных политических, экономических и человеческих потерь, привели к власти в Италии политиков, отстаивающих принципы отказа от использования силы как инструмента внешней политики и предотвращения военных конфликтов. В послевоенный период внешняя политика Италии выстраивалась с позиции «средней державы» [Nuti 2011], подразумевавшей главным образом отход от глобальных амбиций прошлого, следование демократическим нормам, а также защиту своих экономических интересов. Выбрав США основным союзником, а участие в европейской интеграции — основным треком развития в рамках западного лагеря, Италия сделала ставку на «стратегию международной легитимизации» [Diodato, Niglia 2017], призванной помочь стране восстановить статус ответственного участника международных отношений, действующего исключительно в рамках правового поля.

На протяжении «холодной войны» итальянская внешняя политика оставалась относительно пассивной во избежание разжигания дополнительных разногласий внутри итальянского общества, и так разделённого на коммунистов и демохристиан. По ряду направлений (например, по средиземноморскому) Рим всё же проявлял инициативу, отстаивая свои интересы, которые не выходили за рамки союзнических отношений с США. Сама логика международной конъюнктуры в тот период — противостояние на международной арене двух полюсов силы — не оставляла места на «сцене» для других государств. В этом смысле Италия, доверив свою национальную безопасность Организации Североатлантического договора, оставалась в её рамках преданным, но бездействующим партнёром, не оспаривавшим решений администрации США. Италию времён «холодной войны» профессор Университета Тренто Паоло Роза назвал государством-

¹ В среднем 1,5% ВВП за последние 20 лет, по данным SIPRI. URL: <https://www.sipri.org/sites/default/files/Data%20for%20all%20countries%20from%201988–2019%20as%20a%20share%20of%20GDP.pdf> (дата обращения: 14.09.2020).

аккомодационистом [Rosa 2014], заключив в этом термине описание последовательной, но пассивной поддержки Римом своего главного союзника и гаранта безопасности – Вашингтона – при нежелании наращивать собственную военную мощь и выступать с международными инициативами, предполагающими применение силы, предпочитая вверять разрешение вооружённых конфликтов международным организациям. Данный термин можно было бы перевести на русский язык как «приспособленчество», однако такой вариант имеет ярко выраженную отрицательную коннотацию, хотя и отражает в какой-то мере политический прагматизм, свойственный Италии в контексте отношений с США. Аккомодационизм как модель внешнеполитического поведения не свидетельствовал об изоляционизме: в послевоенный период Италия входила в состав миссий ООН в Сомали, Египте, Ливане, Демократической Республике Конго, Лаосе.

Если пассивная внешнеполитическая стратегия в период биполярного противостояния была логична и продиктована объективной необходимостью чёткого выбора «лагеря», то в постбиполярном мире ситуация существенно поменялась. Необходимо отметить, что итальянцы традиционно гораздо больше обеспокоены своей внутренней политикой, чем событиями за пределами национальных границ, вследствие итальянского менталитета, выражающегося в заботе исключительно о своей семье, маленьком бизнесе, родном городке и т.д. Данное обстоятельство выражается как на бытовом уровне – в любой газете в разделе «политика» новости будут посвящены ситуации в Италии, а не за рубежом, так и на политическом – предвыборные программы партий практически полностью посвящены внутренней политике, тогда как внешняя в лучшем случае набросана в конце.

Тем не менее итальянские власти в полной мере осознают, насколько их внутренняя политика зависит от изменений международной конъюнктуры. Рождение Итальянской Республики совпало с началом «холодной войны», логика которой определила все последующие годы существования этого государства. С окончанием биполярного противостояния переродилась и Италия, начавшая новую страницу истории под названием «Вторая Республика», но аккомодационизм остался основной характеристикой её внешней политики. Из разрушенной и экономически отсталой страны Италия превратилась в одну из ведущих мировых держав, участника «группы семи», вошла в десятку сильнейших экономик мира (в 2019 г. занимала восьмое место по объёму ВВП)². Внешняя политика страны имеет весомую пацифистскую составляющую, применение силы видится возможным только при наличии мандата международных организаций, где Италия демонстрирует определённую активность. С 1991 г. страна приняла участие в 30 миссиях в Африке, Азии и Европе, в настоящий момент в активной стадии находятся 10 миссий под эгидой ООН, ЕС и НАТО³. При этом Рим по-прежнему продолжает демонстрировать преданность Вашингтону, считая его своим основным союзником и гарантом безопасности.

2

Отношения с США в итальянской системе координат занимают особое место, поскольку великодержавный статус заокеанского партнёра выступает для Рима опорой и гарантией стабильного положения на международной арене в обмен на верность. Итальянцы, в отличие от многих европейских соседей, для которых сотрудничество в рамках ЕС представляет неотъемлемую часть более широкого понятия западного партнёрства при ведущей роли США, тра-

² World Bank Statistics. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD>. (accessed: 11.09.2020).

³ Operazioni Internazionali. Ministero della Difesa. URL: http://www.esercito.difesa.it/operazioni/operazioni_oltremare/Pagine/default.aspx (accessed: 11.09.2020).

диционно чётко разделяют понятия «европеизм» и «атлантизм». Эти два основных вектора внешней политики Рима попеременно сменяли друг друга в зависимости от политических взглядов конкретного кабинета министров: правоцентристы исторически тяготели к Вашингтону, левоцентристы — к Брюсселю [Маслова 2016: 107]. Приверженность атлантической солидарности отнюдь не всегда подразумевала сохранение высокой лояльности в рамках европейского блока, и, напротив, напряжённость в рамках ЕС не влияла на итало-американские связи.

Профессор Мемориального университета Ньюфаундленда Освальдо Крочи выделяет два подхода к соотношению понятий «европеизм» и «атлантизм»: либо они рассматриваются как взаимоисключающие и противоположные явления, либо как «вложенная игра»⁴, по её правилам европеизм — это часть атлантизма, которая «традиционно рассматривается руководством Италии как политика, нацеленная на укрепление атлантизма» [Crosi 2008: 139]. Верность атлантическому лагерю остаётся для Италии ключевой внешнеполитической установкой, по крайней мере, по двум причинам. *Во-первых*, членство в НАТО Италии воспринимается как краеугольный камень обеспечения своей безопасности в силу уязвимого геополитического положения на внешних границах альянса. *Во-вторых*, тесные дружественные отношения с США гарантируют Италии место в четвёрке (после Брекзита — тройке) определяющих политику ЕС игроков, а также престижное звание одного из членов закрытой «группы семи».

Более того, истоки популярного в Италии в последние годы партийного евроскептицизма как раз лежат в повороте к атлантизму в период первого и второго правительств Сильвио Берлускони и более активного по сравнению с европеизмом развития этого направления в период тре-

тьего и четвёртого его правительств. Маятник внешней политики правоцентристов чаще склонялся в сторону укрепления связей с США, что приводило к снижению интенсивности сотрудничества с европейскими партнёрами. Будучи одним из наиболее лояльных по отношению к Вашингтону членов НАТО, Италия первой из Альянса в 1959 г. разместила на своей территории баллистические ракеты средней дальности «Юпитер»; в 1979 г. итальянский парламент одобрил размещение баллистических ракет средней дальности Першинг-2, а затем правительство согласилось на размещение крылатых ракет. В 1999 г. Италия сыграла ключевую роль в обеспечении логистической составляющей интервенции НАТО в Косове, предоставляя союзническим силам свои аэродромы. Безусловная поддержка Римом Вашингтона в периоды правления правоцентристов приводила также к прямому осуждению ведущих европейских стран. Например, он участвовал в военных операциях в Ираке (несмотря на критику Германии и Франции) и в Ливии (незвизрая на амбивалентность Берлина).

Последовательно доказывая преданность принципам атлантической солидарности, Италия заработала для себя «пространство для манёвра» [Crosi 2015: 51], то есть возможность действовать самостоятельно в вопросах, не имеющих ключевого значения для США, но чувствительных для себя. С 2014 г. такой же подход Рим демонстрировал и по антироссийским санкциям: он отстаивал свои интересы и проводил самостоятельную политическую линию до тех пор, пока они не ставили под удар отношения с Соединёнными Штатами.

Отстаивание национальных интересов по направлениям, не представляющим стратегической важности для США, и средствами, не ставящими под сомнение проатлантическую ориентацию Рима, — не нововведение XXI века. Первые результаты

⁴ Термин «вложенная игра» (с англ. nested game) был введён Дж. Цебелисом (в работе 1990 г. Nested Games. Rational Choice in Comparative Politics) и подразумевает тесное переплетение и встраивание одного концепта в другой.

подобной политики относятся к послевоенному периоду и могут быть проиллюстрированы на примере итало-советских отношений.

В эпоху «холодной войны» контакты стран, относившихся к разным лагерям, были крайне нежелательны, поскольку затрагивали чувствительную для обеих сверхдержав тему лояльности. Тем не менее Италия, взяв на вооружение политику неоатлантизма, заключавшуюся в «развитии отношений привилегированного партнёрства с США при тайном стремлении к гегемонии в Средиземноморье» [Manta 2018: 208] в конце 1950-х – начале 1960-х годов приступила к формированию нового международного имиджа – посредника между Востоком и Западом. Такая роль как нельзя лучше ей подходила в силу геостратегического положения на границе «железного занавеса» в Средиземноморье.

Новая политика Италии поставила перед страной задачу установления контактов со странами, не входившими в капиталистический лагерь. По мнению итальянского истеблишмента, на новом этапе «холодной войны» военного сдерживания было уже недостаточно, «необходима была тонкая капиллярная работа по опустошению изнутри советской власти с целью её ослабить и утвердить превосходство западной системы» [Салаконе 2014: 112]. В стремлении одновременно быть полезным членом НАТО и отстаивать собственные интересы Италия пошла на сближение с СССР, используя главным образом инструменты экономической дипломатии, ставшие ей доступными благодаря стремительному росту и трансформации итальянской экономики.

Рим и Москва вызывали друг у друга взаимный интерес: «итальянское экономическое чудо» выглядело достойным примером для СССР, обеспокоенного своим индустриальным отставанием от Запа-

да, советские запасы природного газа привлекали Италию, находившуюся в поисках новых источников энергии для растущего внутреннего спроса. Мощнейшим фактором сближения двух стран было и наличие в Италии крупнейшей в Западной Европе коммунистической партии – около 2 млн членов. По словам исследователя Неаполитанского университета А. Салаконе, «присутствие в Италии коммунистической партии, а также её связи с КПСС были определяющими в формировании итальянского вектора советской внешней политики» [Salacone 2013: 4], соответственно, служили некой отправной точкой развития двустороннего сотрудничества, константой взаимного притяжения. Приоткрыть «железный занавес» было суждено именно Риму, и он этим шансом воспользовался.

В 1960 г. итальянская нефтегазовая компания «Эни» подписала с СССР четырёхлетний контракт на поставку 12 млн тонн нефти в год⁵, став первой несоциалистической страной – импортёром советской нефти. В дальнейшем сотрудничество с Москвой углубилось. В 1969 г. после многолетних переговоров был подписан двадцатилетний контракт с «Эни» на поставку 6 млрд кубометров в год⁶ природного газа в обмен на трубы и оборудование для строительства газопровода. Важной вехой двусторонних экономических отношений стало подписание в 1966 г. договора между итальянским концерном «Фиат» и советским «Автопромимпортом» о строительстве автомобильного завода АвтоВаз в городе, названном в честь генерального секретаря Итальянской коммунистической партии Пальмиро Тольятти.

Один из ведущих итальянских идеологов налаживания экономических связей с Москвой – председатель автоконцерна *Fiat* Витторио Валлетта – в развитии невоенного производства в СССР видел воз-

⁵ Связанные энергией. 40 лет сотрудничества «Газпрома» и «Эни» по пути следования природного газа. 2009. URL: https://www.eni.com/ru_RU/attachments/pdf/eni-gazprom-bassa.pdf С. 4. (дата обращения: 15.04.2021).

⁶ Там же. С. 10.

возможность «столь необходимой СССР демобилизации рабочей силы и военной промышленности для перенаправления ресурсов на производство товаров широкого потребления и укрепление экономики» [Castronovo 1999: 1058]. Соответственно, можно сделать вывод о том, что развитие сотрудничества с СССР отвечало и интересам НАТО, поскольку рост числа советских граждан, занятых в невоенных сферах промышленности, а также перераспределение государственных ресурсов от оборонно-промышленного комплекса, в том числе благодаря налаживанию отношений Рима и Москвы, способствовали ослаблению межблоковой напряжённости, остро ощущавшейся после возведения Берлинской стены и Карибского кризиса. Как бы то ни было, наладив энергетический диалог с СССР, по основным внешнеполитическим направлениям Италия оставалась верным союзником США в рамках НАТО, о чём свидетельствовало, прежде всего, чёткое следование курсу евроинтеграции. Со своей стороны, США не могли позволить себе «разбрасываться» союзниками, вынужденно предоставляя Италии определённую «свободу манёвра». Таким образом, именно в 1960-х годах «были заложены основы советско-итальянских отношений и определились черты, которые будут отличать двусторонние связи в последующем» [Салаконе 2018: 140].

Представляется, что на современном этапе российско-итальянских отношений в политической плоскости несколько большее значение придать в Москве, чем в Риме. Нельзя отрицать дружественный характер двусторонних связей в XXI веке, но пик взаимной заинтересованности был пройден во времена премьерства Сильвио Берлускони, известного личной дружбой с президентом Российской Федерации В.В. Путиным. С началом санкционного давления ЕС на Россию в 2014 г. Москва стала видеть Рим спасителем и вероятным «бунтарём», способным своим голосом в Европейском совете разорвать порочный круг постоянно продляемых взаимных экономических ограничений. Особенно уси-

лились эти ожидания после вхождения в 2018 г. в правящую коалицию партии «Лига», чей секретарь Маттео Сальвини «неоднократно публично высказывал симпатию российскому президенту» [Шибкова, Маслова, Лорето 2019: 151].

Несмотря на непростые отношения с Брюсселем в связи с миграционной повесткой, проблемами финансовой дисциплины и, в последнее время, вопросами европейской солидарности в связи с борьбой с коронавирусом, в вопросе санкций Рим придерживается общей линии ЕС. Объяснением данной позиции служат опять же приоритетные отношения с США – российско-итальянские отношения выходят за рамки свободы манёвра, дарованной Риму Вашингтоном. В этой связи пророссийским симпатиям, с разной интенсивностью звучавшим из уст представителей итальянских партий, суждено было остаться лишь риторикой, поскольку та же Лига, перейдя из оппозиции в правящую коалицию, не повлияла на голосование Италии в институтах ЕС по вопросу утверждения антироссийских санкций.

Итальянские евроскептические партии, позиционирующие себя как выразителей протеста против несправедливой политики ЕС в отношении России, диктата Брюсселя и ущемления в этой связи национальных интересов Италии, в чувствительном вопросе антироссийских санкций оказались вынуждены делать выбор между Москвой и Вашингтоном. Учитывая традиционную важность для правоцентристов, а именно: партий Лига и «Вперед, Италия», атлантизма, нет оснований утверждать, что выбор мог быть сделан в пользу России. Главный атлант С. Берлускони, как и его партия в Европейском парламенте, старается придерживаться нейтралитета, что, в частности, выразилось в его реакции на американские бомбардировки Сирии в апреле 2018 года, прошедшие на фоне острой напряжённости в отношениях России и США. Политик предложил сыграть роль посредника в налаживании диалога между Москвой, Брюсселем и Вашингто-

ном, отметив при этом безусловные союзнические отношения с США⁷.

М. Сальвини, чьи слова о «сумасшествии»⁸ были сопряжены с существенной критикой действий США, поскольку, по его словам, «примеры Афганистана, Ирака и Ливии ничему не научили американцев»⁹, на деле тем не менее не даёт повода усомниться в своей атлантической солидарности. Лозунг предвыборной кампании Лиги «Итальянцы прежде всего» перекликался с лозунгом предвыборной кампании Д. Трампа «Америка прежде всего», а сам президент США, несомненно, импонировал М. Сальвини, о чём последний заявлял ещё в ходе их встречи в Филадельфии в апреле 2016 г. перед предварительными выборами. Советник М. Сальвини по внешней политике Гульельмо Пикки в своё время утверждал, что атлантическая ориентация партии остаётся неизменной, несмотря на некоторые частные случаи расхождения мнений. По его словам, наряду с лидером Лиги действия США в Сирии раскритиковали и другие политики, такие как А. Меркель, но «никто не подвергает сомнению её атлантизм»¹⁰. Свидетельством правомерности слов Г. Пикки выступает то, что первым иностранным представителем, с которым встретился М. Сальвини после объявления результатов выборов, стал посол США в Риме Льюис Эйзенберг.

Таким образом, атлантическая солидарность лежит в основе итальянского внешнеполитического инструментария, и отход от неё, в том числе в виде «заигрывания» с Россией, свидетельствует не более чем об автономии в пределах, не ставящих под угрозу союзнические отношения с США.

3

Если сохранение стратегических отношений с США остаётся константой внешней политики Италии, то взаимодействие Рима с партнёрами по ЕС и с Брюсселем характеризуется чередованием взлётов и падений. Будучи одной из стран-основательниц Европейского Союза, Италия до конца «холодной войны» была одним из наиболее лояльных еврооптимистов. Начиная с середины 1990-х годов кабинеты министров под руководством Сильвио Берлускони¹¹ выдвигали на передний план атлантический вектор внешней политики в ущерб европейскому. Отношения Рима с Брюсселем, Берлином и Парижем обострились на фоне мирового финансово-экономического кризиса, переросшего в кризис суверенных долгов еврозоны, последовавших от ЕС требований жёсткой экономии, повлёкшей рост налогов и уровня безработицы. Другим фактором, усилившим евроскептические настроения в Италии, стал миграционный кризис, и особенно решение Брюсселя по обязательным квотам на приём беженцев, которое вызывало недовольство как среди граждан, так и среди политических сил, требовавших от Брюсселя применения принципа солидарности на практике.

Приход к власти евроскептической коалиции в 2018 году, каждая из партий-членов которой в своё время агитировала и за выход из ЕС и еврозоны, а также подвергала резкой критике институты ЕС, стал для Брюсселя неожиданностью. Тем не менее необходимость поддерживать конструктивные отношения с Римом вне зависимости от по-

⁷ Berlusconi Mediatore: Alleati degli USA ma Mosca non è Nemica. Il Giornale. 16.04.2018. URL: <http://www.ilgiornale.it/news/politica/berlusconi-mediatore-alleati-degli-usa-mosca-non-nemica-1515764.html> (дата обращения: 30.07.2020).

⁸ Salvini-Berlusconi, l'Attacco in Siria Divide il Centrodestra. Il Leghista a M5S e Forza Italia: «Basta Insulti». Corriere della Sera. 14.04.2018. URL: https://www.corriere.it/politica/18_aprile_14/attacco-siria-questione-che-spacca-ancora-piu-centrodestra-385862fc-3fdc-11e8-b74e-8ed1421730a4.shtml (дата обращения: 30.08.2020).

⁹ «Ракетный сюрприз Дональда Трампа». Авиаудары США вызвали противоречивую реакцию в мире. Известия. 07.04.2017. URL: <https://iz.ru/news/678914>. (дата обращения: 14.04.2021).

¹⁰ Lega Atlantista. Il Foglio. 17.04.2020. URL: <https://www.ilmaglo.it/politica/2018/04/17/news/lega-atlantista-189757/>. (дата обращения: 30.09.2020).

¹¹ С. Берлускони — Председатель Совета министров Италии в 1994–1995 гг.; 2001–2005 гг.; 2005–2006 гг.; 2008–2011 гг.

литической ориентации кабинета министров не оставила Европейской комиссии, Берлину и Парижу иного выбора, кроме как наладить сотрудничество с правящей коалицией. На первом же после формирования итальянского кабинета саммите ЕС новому премьер-министру Джузеппе Конте удалось добиться от стран-членов уступок по миграционной повестке — самому чувствительному вопросу для Рима. Дж. Конте согласился на предложенный Э. Макроном компромисс из трёх пунктов: создание странами ЕС на добровольной основе лагерей для иммигрантов, где будет подтверждаться или опровергаться их статус беженцев; возможность перемещения иммигрантов в отличную от запрашиваемой страну (также на добровольной основе); усиленная охрана внешних границ ЕС. К такому решению удалось прийти не благодаря личности итальянского премьера, но из-за понимания в Брюсселе, Париже и Берлине необходимости удержать Италию в рамках общей линии. Единство особенно востребовано перед лицом актуальных проблем, из-за нерешённости которых ЕС « всё чаще подвергается обвинениям в бюрократизации, засилье технократического подхода, дефиците демократии, что неизбежно ведёт к углублению разрыва между гражданским обществом и институтами Евросоюза» [Зонова 2019: 64].

Неоднократные нарушения финансовой дисциплины, показательная демонстрация политической самостоятельности участием в операциях в Ираке и Ливии сходят Италии с рук, поскольку европейские партнёры всякий раз стремятся пойти на уступки и предотвратить « дрейф » Рима в сторону России, США или Китая. Таким образом, Италия сохраняет за собой статус в тройке (после Брекзита) лидеров ЕС, заставляя считаться с собственным мнением. Достичь такого положения ей помогло успешное использование специфического инструмента внешней политики — *ad hoc*

альянсов: сугубо прагматических ситуативных объединений с менее мощными странами ЕС, а также третьими странами, чтобы « выторговать » у Берлина, Парижа и Брюсселя. Создав себе образ непредсказуемой и подчас взбалмошной страны, Италия сделала его своей сильной стороной и рычагом давления в рамках отношений с различными партнёрами.

К числу примеров использования ситуативных альянсов можно отнести сближение в 2015 г. с Грецией и поддержку новоизбранного премьер-министра этой страны Алексиса Ципраса. На тот момент южноевропейские страны с высоким уровнем государственного долга к ВВП и отрицательным или нулевым ростом экономики особенно остро ощущали на себе последствия мер жёсткой экономики — рецессии и резкого скачка уровня безработицы. Греческий премьер выбрал поездку в Рим в качестве одного из первых официальных визитов, в ходе которого тогдашний премьер-министр Маттео Ренци, лидер левоцентристской коалиции, заявил о намерении укреплять двустороннее сотрудничество по всем направлениям. Министр Италии по делам Европейского Союза заявлял, что избрание А. Ципраса « предоставило новые возможности для изменений в Европе, которые способствовали бы росту, инвестициям и борьбе с безработицей »¹². Стремление добиться более гибкой налоговой политики и ослабления мер жёсткой экономики стало общим интересом двух стран.

Сближение длилось недолго: накануне референдума в Греции в июле 2015 г. Ренци встал на сторону немецкого канцлера А. Меркель. Итальянский премьер призвал Грецию к соблюдению установленных правил, единых для всех, и не « считать себя самыми хитрыми », поскольку « итальянцы провели реформу рынка труда не для того, чтобы некоторые греческие судовладельцы продолжали не платить налоги »¹³. Со своей

¹² Rome and Athens Allied against Austerity? The Finnish Institute of International Affairs. February 2015. URL: https://www.fiia.fi/wp-content/uploads/2017/01/comment7_2015eng.pdf (accessed: 07.05.2020).

¹³ Ibidem.

стороны, Ципрас представил избирательную кампанию как выбор между собой и Европейской комиссией, а фактически стоял выбор между «евро и драхмой». Первоначальная поддержка Италией нового греческого правительства была стратегическим шагом, направленным на привлечение внимания Германии к проблемам Италии и демонстрацию готовности координировать действия с другими «несистемными» игроками, настроенными более критически в отношении мер для борьбы с кризисом еврозоны.

По миграционной проблеме также заключались временные альянсы. К примеру, после прихода к власти Лиги в 2018 г. в СМИ стало фигурировать понятие «ось Сальвини–Орбан». Бывший итальянский вице-премьер несколько раз встречался с премьер-министром Венгрии, известным своей радикальной позицией относительно квот по размещению в государствах–членах ЕС беженцев из африканских и ближневосточных стран, и даже лично осматривал стену, возведённую на границе с Сербией. Оба политика заявляли о совпадении позиций по защите национальных границ от наплыва иммигрантов, а также по пересмотру договоров со странами, не входящими в ЕС и не сотрудничающими с интеграционным объединением по вопросам репатриации лиц, незаконно проникнувших на его территорию. Маттео Сальвини поддержал жёсткую политику Орбана, оправдывая её необходимостью «защиты безопасности, семьи и христианской идентичности нашего континента»¹⁴.

Пандемия коронавируса открыла перед Италией пространство для новых стратегических союзов. Рим выступил единым фронтом с государствами, пострадавшими больше других – Испанией, Францией и Португалией – против линии Германии,

Австрии, Нидерландов и Финляндии. Рим выступал за введение «коронабондов» – облигаций, совместно выпускаемых странами–членами еврозоны, под гарантии ЕЦБ образующих «долговой союз», в котором налоговое бремя будет в равной степени распределено на граждан государств ЕС, независимо от степени, в которой они пострадали от пандемии. Эту идею её сторонники называют новым *Планом Маршалла для Европы*.

В качестве альтернативы Берлин со своими единомышленниками настаивал на том, чтобы понёсшие наибольшие потери страны обратились к Европейскому стабилизационному механизму. По мнению пострадавших стран, это привело бы к углублению экономического кризиса, как в Греции в прошлом десятилетии. Хотя консолидированная позиция южноевропейских государств и не привела к запуску коронабондов, однако северные страны пошли на уступки и согласились создать фонд по борьбе с коронавирусом с бюджетом в 2 трлн долл., из которых 209 млрд предназначены Италии¹⁵. Итальянский премьер Дж. Конте назвал данную меру адекватной, заявив, что она позволит «перезапустить Италию и изменить её облик»¹⁶.

Успех Рима в нахождении временных «союзников» стал возможен благодаря образу, сложившемуся у страны на международной арене. Вечно балансирующая между великими державами, не иницилируя вмешательство во внутренние дела других государств, Италия видится недостаточно большой, чтобы обидеть, и одновременно слишком большой, чтобы её обижать. Членство в ведущих многосторонних форматах позволяет Италии держаться в одном ряду с крупнейшими игроками, считаясь «самой малой среди великих», и в то же время эксплуатировать образ «самой вели-

¹⁴ Merkel Gela l'Alleanza PPE-Sovranisti. Corriere della Sera. 02.05.2019. URL: https://www.corriere.it/politica/19_maggio_02/salvini-ungheria-visita-muro-anti-migranti-felice-vedere-l-efficacia-governo-orban-ca8ee232-6ce4-11e9-bcbb-8ef451e0c86f.shtml (дата обращения: 12.05.2020).

¹⁵ Accordo sul Recovery Fund, Conte: Piano Adeguato alla Crisi. Salvini: Fregatura Grossa come una Casa. IL Sole 24 Ore. 19.07.2020. URL: <https://www.ilsole24ore.com/art/vertice-ue-kurz-c-e-ancora-molta-strada-fare-ADS9GEf>. (дата обращения: 30.08.2020).

¹⁶ Ibidem.

кой среди малых» при выстраивании отношений с менее мощными партнёрами.

В общий положительный имидж страны вносит вклад и культурная составляющая, играющая роль «мягкой силы». Колыбель европейской цивилизации, обладательница уникального исторического наследия и туристических направлений, основоположница оперы, моды и известной кухни, производительница популярных автомобилей, носительница прекрасного языка — все эти определения свидетельствуют о притягательности страны. За последние 5 лет в международном рейтинге *The Soft Power 30* Италия не опускалась ниже 13-го места, и среди сильных сторон, обеспечивающих большой потенциал «мягкой силы» страны, в отчёте рейтинга традиционно фигурируют «природа, архитектура, стиль жизни, бренды, кухня»¹⁷. Таким образом, выгодно продаваемый политический нейтралитет вкупе с нестабильной экономикой и богатейшей культурой расширяют возможности страны в переговорных процессах, делают из Италии идеального партнёра и медиатора, который не вызывает неприязни у других.

4

Риккардо Алькаро, сотрудник ведущего итальянского аналитического центра в области международных отношений *Affari Internazionali*, в своей прошлогодней статье, посвящённой итало-американским и итало-китайским отношениям в свете пандемии, отметил, что «среди экспертов широко распространено мнение о том, что

одним из важнейших результатов пандемии коронавируса станет усиление существующей геополитической конкуренции, а не налаживание международного сотрудничества на фоне обмена информацией и координации действий по совместному управлению системами здравоохранения и потенциально катастрофическими экономическими последствиями»¹⁸. Основными конкурентами на глобальной арене остаются США и Китай, отношения которых, помимо разразившейся ранее торговой войны, усугублялись на фоне стремлений бывшего президента США закрепить за Китаем ярлык виновного в распространении вируса и всемирном локдауне^{19,20}. Со своей стороны, Китай отправляет в наиболее пострадавшие страны медицинское оборудование и персонал, приобретая репутацию ответственного, равнодушного и влиятельного игрока в международных отношениях.

Европейские страны, будучи в центре пересечения интересов США и Китая, поставлены перед необходимостью выбора в пользу одной из держав. В данном случае показателен пример Италии, с которой Китай в последние годы развивает масштабное сотрудничество. Активизация двусторонних связей началась в середине 2010-х годов [Алексеевкова 2020], но в период премьерства Дж. Конте китайская повестка расширилась настолько, что с подачи реформаторов из Демократической партии в прессе заговорили о существовании в итальянском парламенте прокитайского лобби²¹, намекая на самого главу кабинета

¹⁷ The Soft Power 30. 2019 Overview. URL: <https://softpower30.com/country/italy/> (accessed: 16.04.2021).

¹⁸ Covid, Trump Accusa la Cina: «Ha Aperto le Frontiere per Favorire la Diffusione del Virus». Il Messaggero. 22.09.2020. URL: https://www.ilmessaggero.it/mondo/coronavirus_usa_cina_trump_virus_covid_seconda_ondata_onu-5478634.html (дата обращения: 17.04.2021).

¹⁹ Trump Accusa la Cina: «Sul Virus ha Fatto un Tremendo Errore». Oms e Pechino: «Nessuna Prova». Agenzia Italiana. 04.05.2020. URL: <https://www.agi.it/estero/news/2020-05-04/trump-accuse-cina-coronavirus-oms-prove-8517417/> (дата обращения: 17.04.2021).

²⁰ Covid, Trump Accusa la Cina: «Ha Aperto le Frontiere per Favorire la Diffusione del Virus». Il Messaggero. 22.09.2020. URL: https://www.ilmessaggero.it/mondo/coronavirus_usa_cina_trump_virus_covid_seconda_ondata_onu-5478634.html (дата обращения: 17.04.2021).

²¹ Draghi: «Grazie, ci Rivedremo in Parlamento». Il Premier Incaricato non Parla dei Ministri. Corriere della Sera. 08.02.2021. URL: https://www.corriere.it/politica/21_febbraio_08/draghi-grazie-ci-rivedremo-parlamento-premier-incaricato-non-parla-ministri-bc66991e-6a5a-11eb-924b-61776b6fba88.shtml. (дата обращения: 20.02.2021).

и его ближайших соратников. Особое возмущение традиционно проамериканских правых сил вызвала речь Дж. Конте в Палате Депутатов перед голосованием по вотуму доверия правительству в январе 2021 года, когда итальянский премьер заявил о общности китайских и итальянских ценностей и принципов, фактически приравняв Пекин к Вашингтону в системе внешнеполитических приоритетов Рима.

Италия — единственное государство «группы семи», официально поддерживавшее китайскую инициативу «Пояса и пути»: в марте 2019 г. был подписан соответствующий двусторонний меморандум о взаимопонимании и сотрудничестве²². Хотя в прессе незамедлительно появились спекуляции на предмет отдаления Рима от Вашингтона и ряд правых политиков усмотрел в этом признаки такой тенденции, меморандум не носит обязательного характера. Его подписание укладывается в рамки того самого «пространства для свободы манёвра», предоставленного Вашингтоном. Демонстративное сближение с Китаем следует рассматривать как ещё один пример *ad hoc* альянса, направленного на сей раз на США, с целью вернуть внимание атлантического партнёра, который пренебрегает Италией на фоне конфликтов с Ираном и КНДР, а также внутривосточных проблем.

В период острой фазы эпидемии коронавируса ленты итальянских новостных агентств пестрели заголовками о том, что

Брюссель оставил Рим на произвол судьбы²³, государства-члены предпочли европейской солидарности собственные национальные интересы, и единственными, кто не бросил Италию, оказались Китай и Россия²⁴. Представители итальянского мейнстрима показательно выражали благодарность поступившей от этих стран помощи, при этом «Китай также вошёл в категорию друзей, несмотря на то что явился первоисточником пандемии» [Маслова, Савино 2020: 46]. Вопрос гуманитарной помощи Италии имел геополитическое значение не только для Пекина, но и для Рима, поскольку цель возвращения в фокус внимания Вашингтона действительно была достигнута: в апреле 2020 г. президент США Дональд Трамп лично пообещал выделить Италии помощь на сумму 100 млн долларов. Позднее госсекретарь Майк Помпео, подтвердив эту цифру, заверил итальянцев, что «никакое другое государство не сделает для вас больше, чем сделают Соединённые Штаты»²⁵. Подписание президентского меморандума о помощи «одному из ближайших и давних союзников, опустошённому пандемией»²⁶, стало свидетельством того, что на фоне интенсификации итало-китайского сотрудничества в Вашингтоне почувствовали необходимость не только «продемонстрировать ведущую роль США в противодействии кампаниям по дезинформации, проводимым Китаем и Россией»²⁷, но также вернуть Рим, устремивший свой взгляд на восток, в сферу своего влияния.

²² Memorandum d'Intesa tra il Governo della Repubblica Italiana il Governo della Repubblica Popolare Cinese. 23.03.2019. URL: http://www.governo.it/sites/governo.it/files/documenti/documenti/Notizie-allegati/Italia-Cina_20190323/Memorandum_Italia-Cina_IT.pdf (дата обращения: 16.04.2021).

²³ Coronavirus, l'UE Ora Ci Prende a Schiaffi. Ci Lascia senza le Mascherine. Il Foglio. 06.03.2020. URL: <https://www.ilgiornale.it/news/cronache/coronavirus-italia-chiede-pi-mascherine-allue-nessuno-ci-1836472.html>. (дата обращения: 16.04.2021)

²⁴ Dai Paesi UE Nessun Sostegno Medico, Solo la Cina Ci Ha Aiutato. Europa Today. 11.03.2020. URL: <https://europa.today.it/attualita/coronavirus-cina-ue-mascherine.html> (дата обращения: 16.04.2021).

²⁵ Coronavirus, Intervista a Mike Pompeo. Corriere della Sera. 09.04.2020. URL: https://www.corriere.it/esteri/20_aprile_09/coronavirus-intervista-mike-pompeo-per-l-italia-siamo-quelli-che-fanno-faranno-piu-collaboriamo-la-cina-ma-esigiamo-trasparenza-2389cfa6-79c7-11ea-afb4-c5f49a569528.shtml. (дата обращения: 20.08.2020).

²⁶ Memorandum on Providing COVID-19 Assistance to the Italian Republic. White House. URL: <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/memorandum-providing-covid-19-assistance-italian-republic/> (accessed: 31.08.2020).

²⁷ Ibidem.

Период борьбы с пандемией для Италии стал сложным не только из-за человеческих потерь, нагрузки на систему здравоохранения и колоссальных экономических убытков, но и ввиду крайней нестабильности политической ситуации. Победа на выборах 2018 г. двух оппозиционных партий, год правления коалиционного правительства, формирование нового кабинета министров вновь во главе с непартийным Дж. Конте сделали выработку внешнеполитической стратегии ситуативной и зависимой от конкретных личностей во властных структурах.

Спорившие по всем пунктам политической повестки дня партнёры по коалиции «Лига» и «Движение пять звёзд» не были едины по вопросу углубления сотрудничества с Китаем. Если министр экономического развития Луиджи Ди Майо говорил, что меморандум по поводу инициативы «Один пояс — один путь» предоставляет «итальянским малым и средним предприятиям множество возможностей для работы в Китае, что означает распространение товаров “Сделано в Италии” по всему миру»²⁸, то министр внутренних дел Маттео Сальвини заявил, что «выскажет решительное “нет” в случае, если какие-либо приобретения китайцев будут угрожать национальной безопасности Италии»²⁹. Он добавил, что любые инвестиции в стратегические секторы экономики требуют максимальной осторожности, и «если бы речь шла об американцах, то было бы другое

дело». Ди Майо также подчёркивал, что «речь не идёт о новом геополитическом альянсе»³⁰ между Италией и Китаем.

Иными словами, о замене Вашингтона Пекином речи не шло, но показное сближение с главным соперником своего основного союзника — в некотором роде политический шантаж — в качестве инструмента внешней политики применялся итальянцами весьма искусно. Возросшее внимание к проблемам Италии со стороны американской администрации доказывает эффективность данного инструмента.

* * *

В постбиполярную эпоху аккомодационизм, который выражается в уклонении от участия в вооружённых конфликтах, предпочтении дипломатическим способам разрешения международных конфликтов, пассивном выполнении союзнических обязательств в рамках НАТО и других международных организаций при абсолютной лояльности Вашингтону, остаётся неотъемлемой частью национальной стратегической культуры и основным поведенческим паттерном Италии. Самостоятельность во внешней политике доступна лишь в пределах, не нарушающих прочность сложившейся оси Рим—Вашингтон. Для внешнеполитического шантажа Италия способна применять *ad hoc* альянсы, участие в которых позволяет ей повышать свою ценность в глазах партнёров и сохранять влияние на международной арене.

Список литературы

- Алексеевкова Е.С. Дискурсивная сила КНР против нормативной силы ЕС: казус Италии // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. № 5. С. 62–72.
- Введение в прикладной анализ международных ситуаций / Под ред. Т. А. Шаклеиной. М.: Аспект Пресс, 2014. 288 с.
- Зонова Т.В. Выборы 2019 года: еврооптимисты против евроскептиков // Современная Европа. 2019. № 3. С. 62–69.
- Джордан Д., Сталберг А., Троицкий М.А. Внешнеполитические ресурсы и инструменты в российско-американских отношениях // Международные процессы. 2021. Т. 19. № 1г. С. 6–25.

²⁸ Via della Seta. Di Maio e Salvini Divisi sul Memorandum d'Intesa tra Italia e Cina. Avvenire. 14.04.2019. URL: <https://www.avvenire.it/attualita/pagine/via-della-seta-per-salvini-non-e-un-dogma-per-di-maio-s-ha-da-fare>. (дата обращения: 06.06.2020).

²⁹ Ibidem.

³⁰ Ibidem.

- Истомин И.А., Байков А.А. Динамика международных альянсов в неравновесной мировой системе // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 1. С. 34–48.
- Истомин И.А. Логика поведения государств в международной политике. М.: Аспект Пресс, 2018. 296 с.
- Маслова Е.А., Савино Дж. Пандемия по-итальянски: стресс-тест для политической системы // Современная Европа. 2020. № 4. С. 37–49.
- Маслова Е.А. Европеизм и атлантизм во внешней политике Италии // Международные процессы. 2016. Т. 14. № 4. С. 106–115.
- Салаконе А. СССР и «нео-атлантическая» Италия в 1960-е гг. / Итальянская Республика в меняющемся мире. Доклады Института Европы РАН № 306. 2014. С. 110–122.
- Салаконе А. Энергетическая политика СССР как фактор влияния на Италию в 1960-х годах // Современная Европа. 2018. № 6. С. 134–141.
- Современная мировая политика: Прикладной анализ / Отв. ред. А.Д. Богатуров. М.: Аспект Пресс, 2009. 588 с.
- Хрусталёв М.А. Методология прикладного политического анализа. М.: Проспект, 2011. 160 с.
- Шибкова М.О., Маслова Е.А., Лорето Р. Эволюция образа президента России В.В. Путина в глазах итальянских граждан // Известия Уральского федерального университета. Серия 3. Общественные науки. 2019. Т. 14. № 1 (185). С. 140–153.
- Castronovo V. Fiat, 1899–1999: Un Secolo di Storia. Rizzoli, 1999. 2093 p.
- Croci O. All Quiet on the Western Front. Italy and Transatlantic Relations. In: Marchi L., Whitman R. (eds.) Italy's Foreign Policy in the Twenty First Century: A Contested Nature? London: Routledge, 2015. P. 43–64.
- Croci O. Not a Zero-Sum Game: Atlanticism and Europeanism in Italian Foreign Policy // The International Spectator. 2008. Vol. 34. No. 4. P. 137–155.
- Diodato E., Niglia F. Italy in International Relations. The Foreign Policy Conundrum. Palgrave Macmillan, 2017. 123 p.
- Holsti K. The Study of Diplomacy. In: Rosenau J.N., Thompson K.W., Bond G. (eds) World Politics. New York: Free Press, 1976. P. 293–311.
- Jordan J., Stulberg A. & Troitskiy M. Statecraft in U.S.-Russia Relations: Meaning, Dilemmas, and Significance // Mezhdunarodnye protsessy. 2021. Vol. 19. No. 1e. P. 4–17.
- Manta F. La Diplomazia Economica Come Strumento delle Relazioni Internazionali: l'Esempio Mattei e il Marchio "Fiat" // Eunomia. Rivista semestrale di Storia e Politica Internazionali. 2018. No. 1. P. 197–208.
- Nuti L. Italian Foreign Policy in the Cold War. A Constant Search for Status. In: Carbone M. (ed.) Italy in the Post-Cold War Order: Adaptation, Bipartisanship and Visibility. 2011. Lanham: Lexington Books, P. 25–45.
- Rosa P. The Accommodationist State: Strategic Culture and Italy's Military Behaviour // International Relations. 2014. Vol. 28. No. 1. P. 88–115.
- Salacone A. Le Relazioni Italo-Sovietiche nel Decennio 1958-1968: Uno Sguardo da Mosca // Storicamente. 2013. No. 9. 11 p. URL: <https://storicamente.org/sites/default/images/articles/media/1757/salacone.pdf> (дата обращения: 10.04.2021).

AD HOC ALLIANCES AS ITALIAN KEY STATECRAFT TOOL

MARIA SHIBKOVA

MGIMO University, Moscow 119454, Russia

Abstract

Despite economic troubles and constant political instability Italy manages to keep its historical role as a key EU state and one of the three major economies of the region, which justifies its G7 membership and therefore formally endues it with a great power status. This owes to accommodationism as the main

behavioral pattern since the establishment of the Italian Republic and the skillful use of ad hoc alliances – a pragmatic statecraft tool which renders Italy flexible and unpredictable. Too big to be defensive, but not big enough to be offensive, Italy does not provoke antagonism in any EU country, becoming a potential universal ally. Cooperation with Greece on fiscal flexibility, with Spain and France on coronabonds and Hungary on EU common migration policy strengthens its bargaining power in the EU, since the latter needs Italy for reasons of security and solidarity. Being furthermore a devoted US partner since the end of World War II, Italy considers US a guarantor of its national security and position on the international arena and is inclined to lend its support to Washington even if such actions contradict the policies of closer geostrategic partners in the EU. Thanks to such allegiance Italy manages to preserve a certain room for maneuvering in interactions with other non-euroatlantic partners to an extent that does not imperil its strategic alliance with Washington, which has always been an invariable of Italian foreign policy. However, scarce attention from the USA under the current administration makes Italy utilize its statecraft tools towards Washington as well, and a pragmatic rapprochement with China on the Belt and Road Initiative and humanitarian aid during the pandemic presents a clear example thereof.

Keywords:

Italian foreign policy; statecraft; coronavirus; coronavirus crisis; Italy-Russia relations; Italy-EU relations; Italy-US relations; Italy-China relations.

References

- Alekseenkova E.S. (2020) Diskursivnaya sila KNR protiv normativnoi sily ES: kazus Italii. [PRC Discursive Force Against the Normative Force of the EU: The Case of Italy]. *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia*. Vol. 64. No. 5. P. 62–72.
- Bogaturov A.D. (ed.) (2010). *Sovremennaya mirovaya politika. Prikladnoi analiz* [Contemporary World Politics. Applied Analysis]. Moscow: Aspekt Press. 592 p.
- Castronovo V. (1999). Fiat, 1899–1999: Un Secolo di Storia. Rizzoli. 2093 p.
- Croci O. (2008). Not a Zero-Sum Game: Atlanticism and Europeanism in Italian Foreign Policy. *The International Spectator*. Vol. 34. No. 4. P. 137–155.
- Croci O. (2015). All Quiet on the Western Front. Italy and Transatlantic Relations. In: Marchi L., Whitman R. (eds.) *Italy's Foreign Policy in the Twenty First Century: A Contested Nature?* London: Routledge. P. 43–64.
- Diodato E., Niglia F. (2017). Italy in International Relations. *The Foreign Policy Conundrum*. Palgrave Macmillan. 123 p.
- Holsti K. (1976). The Study of Diplomacy. In: Rosenau J.N., Thompson K.W., Bond G. (eds) *World Politics*. New York: Free Press. P. 293–311.
- Jordan J., Stulberg A. & Troitskiy M. (2021a). Statecraft in U.S.-Russia Relations: Meaning, Dilemmas, and Significance. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 19. No. 1e. P. 4–17.
- Jordan J., Stulberg A. & Troitskiy M. (2021b). Statecraft in U.S.-Russia Relations: Meaning, Dilemmas, and Significance. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 19. No. 1r. P. 6–25.
- Istomin I. A., Baikov A. A. (2019). Dinamika mezhdunarodnykh aliansov v neravnovesnoi mirovoi sisteme. [Dynamics of International Alliances in an Unbalanced World Structure]. *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia*. Vol. 63. No. 1. P. 34–48.
- Istomin I.A. (2018). *Logika povedeniia gosudarstv v mezhdunarodnoi politike* [Logics of States' Behaviour in International Politics]. Moscow: Aspekt Press. 296 p.
- Khrustalev M.A. (2011). *Metodologiya prikladnogo politicheskogo analiza* [Methodology of Applied Political Analysis]. Moscow: Prospekt. 160 p.
- Manta F. (2018). La Diplomazia Economica Come Strumento delle Relazioni Internazionali: l'Esempio Mattei e il Marchio "Fiat". *Eunomia. Rivista semestrale di Storia e Politica Internazionali*. No. 1. P. 197–208.
- Maslova E.A. (2016). Evropeizm i atlantizm vo vneshnei politike Italii [Italian Foreign Policy between Atlanticism and Eurocentrism]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 14. No. 4. P. 106–115.
- Maslova E.A., Savino G. (2020). Pandemiia po-ital'ianski: stress-test dlya politicheskoi sistemy [Pandemic all'italiana: stress-test for the political system]. *Sovremennaya Evropa*. No. 4. P. 37–49.
- Nuti L. (2011). Italian Foreign Policy in the Cold War: A Constant Search for Status. In: Carbone M. (ed.) *Italy in the Post-Cold War Order: Adaptation, Bipartisanship and Visibility*. Lanham: Lexington Books. P. 25–45.

- Rosa P. (2014). The Accommodationist State: Strategic Culture and Italy's Military Behaviour. *International Relations*. Vol. 28, No. 1. P. 88–115.
- Salacone A. (2013). Le Relazioni Italo-Sovietiche nel Decennio 1958-1968: Uno Sguardo da Mosca. *Storicamente*. No. 9. 11 p. URL: <https://storicamente.org/sites/default/images/articles/media/1757/salacone.pdf> (accessed: 10.04.2021).
- Salacone A. (2014). SSSR i «neo-atlanticheskaia» Italiia v 1960-e gg. [The USSR and the “Neo-Atlantic” Italy in the 1960-s]. The Italian Republic in a Changing World. *Reports of the Institute of Europe*. № 306. P. 110–122.
- Salacone A. (2018). Energeticheskaia politika SSSR kak faktor vliianiia na Italiu v 1960-kh godakh [Energy Policy of the USSR as a factor of the Influence on the Italy in 1960s]. *Sovremennaia Evropa*. No. 6. P. 134–141.
- Shakleina T.A. (ed.) (2014). *Vvedenie v prikladnoi analiz mezhdunarodnykh situatsii* [Introduction to applied analysis of international situations]. Moscow: Aspekt Press. 288 p.
- Shibkova M., Maslova E., Loreto R. (2019) Evolution of the Russian President V. V. Putin's Image in the Opinion of the Italian Citizens [Evolutsiia obraza Prezidenta Rossii V.V. Putina v glazakh ital'ianskikh grazhdan]. *Izvestia of the Ural Federal University. Series 3 – Social Sciences*. Vol. 14. No. 1. P. 140–153.
- Zonova T.V. (2019). Elections of 2019: Eurooptimists vs Eurosceptics [Vybory 2019 goda: evrooptimisty protiv evroskeptikov]. *Sovremennaia Evropa*. No. 3. P. 62–69.